

**ПРОДОЛЖАЯ ДИСКУССИЮ О СПАРТАНСКОЙ НАГОТЕ,
ЛАКОНСКОМ ПИЛОСЕ И ПРОЧЕМ...**

А. К. Нефёдкин
(Санкт-Петербург)

Всегда лестно видеть отзыв на свою работу, пусть даже в форме полемической дискуссии, ведь любая публикация, кроме прочего, стремится вызвать интерес к своему сюжету. В альманахе «Исседон» за 2003 год появилась статья Д. П. Алексинского, представляющая альтернативные точки зрения на проблемы, которые я затрагивал в своих прежних статьях¹. Хотелось бы поблагодарить оппонента за внимание к моим работам, но с его главными выводами и подходами я абсолютно не могу согласиться.

Д. П. Алексинский, обсуждая две моих статьи, призывает еще раз обратиться к проблеме наготы древнегреческого воина². Критик, в отличие от меня, полагает, что спартанцы не сражались обнаженными, носили панцири и обувь. К сожалению, он еще не знал основной моей статьи, посвященной наготе древнегреческого воина, в которой я детально рассматривал вопрос об этом сюжете. Она могла бы как снять, так и вызвать новые вопросы и суждения³. По проблеме наготы Алексинский приходит к выводу о том, что моя статья «не свободна от недостаточно аргументированных или прямо бездоказательных

¹ Алексинский Д.П. Еще раз о «героической наготе» // Исседон: альманах по древней истории и культуре. Т. 2. 2003. С. 45–53. Далее уже в основном тексте даются ссылки на соответствующие страницы в этой статье.

² Нефёдкин А.К. Пурпур или нагота: о военном убранстве спартанцев // Античное общество-3: Тезисы докладов научной конференции 22–23 марта 1999 г. СПб., 1999. С. 10–13; он же. Спартанская «униформа»: особенности военного снаряжения лакедемонян в VII–IV вв. до н. э. // Исседон: альманах по древней истории и культуре. Т. 1. 2002. С. 36–52. Далее, если необходимо, ссылки даются в основном тексте на соответствующие страницы последней статьи.

³ Нефёдкин А.К. Нагота греческого воина: героика или реальность? // Проблемы античной истории: Сборник научных статей: К 70-летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2003. С. 151–170.

утверждений. С некоторыми авторскими интерпретациями нельзя согласиться. Предпринятая попытка реанимировать старую идею не находит никаких новых подтверждений» (с. 52). Однако сама дискуссия возникает как раз из-за того, что в письменных источниках нет прямой информации о данных сюжетах, причем сама дискуссия отнюдь не закрыта, как это кажется оппоненту, о чем свидетельствуют хотя бы работы Н. Секунды, весьма фундированные, несмотря на популярный жанр, которые Д. П. Алексинский, похоже всерьез не воспринимает, да и другие работы, которые время от времени появляются в печати⁴. Так что можно сказать, что это не старая идея, а один из актуальных вопросов современного антиковедения. Новых письменных памятников о данном сюжете не появилось, поэтому приходится оперировать уже сложившейся базой данных, давая ей свою интерпретацию.

Наши знания об античном обществе хотя и велики, но все же фрагментарны и мало что можно утверждать со стопроцентной долей вероятности, поэтому зачастую и аргументация строится лишь на предположениях, допущениях и исторических параллелях, что, кстати, критик мне ставит в вину (с. 48). С точки зрения формальной логики его позиция верна, но с точки зрения античной науки—некорректна. Ведь большинство наших данных о древних реалиях носят предположительный, гипотетический характер, поэтому и причинно-следственную связь приходится строить, опираясь на них—такова специфика античного исследования. Может быть, у оппонента есть весомые аргументы против моего мнения, позволяющие ему закрыть дискуссию по данным вопросам? Посмотрим.

По проблеме греческой наготы существуют многочисленные труды, однако критик с ними не знаком, что ослабляет его аргументы и показывает, что он далек от проблем, обсуждаемых в моей статье. Как можно проследить по ссылочному аппарату, критик считает, что в состоянии без знакомства с посторонними суждениями составить свое собственное объективное мнение по теме. Рассмотрим аргументы Д. П. Алексинского.

Первое, против чего выступает оппонент,—это то, что спартанские воины шли в бой без доспехах и обнаженными. Однако я и не утверждал, что спартанцы всегда сражались таким образом, а лишь то, что они могли так поступать (моя статья, с. 51). Как справедливо отмечает критик (с. 45–46), одним из доказательств того, что на рубеже V–IV вв. до н. э. греческие гоплиты сражались без доспехов, служит пассаж Ксенофонта (*Anab.* I.2.16), в котором описывается парадное

⁴ SEKUNDA N.V. *The Spartans*. Oxford, 1998. P. 20. Также, например, см.: BONFANTE L. *Nudity as a Costume in Classical Art* // *AJA*. 1989. Vol. 93. № 4. P. 543–570; McDONNELL M. *The Introduction of Athletic Nudity: Thucydides, Plato, and the Vases* // *JHS*. 1991. Vol. 101. P. 182–193.

построение эллинского контингента Кира Младшего. Гоплиты при построении были одеты в пурпурные хитоны и вооружены шлемами, поножами и щитами—панцири не упомянуты. Если учесть, что даже в праздничной процессии греки, а позднее и македоняне, вооружались боевым оружием и даже дополнительно украшались (Aristot. *Athen. pol.* 18.4; Polyb. XXX.25; Arr. *Anab.* I.18.2; II.5.8; 24.6; III.5.2), а у Ксенофонта вообще речь идет о смотре во время похода, то подозревать, что тут представлен какой-то небоевой комплект панοπлии нет оснований. Тем более, что данная информация соответствует иконографическому материалу эпохи, показывающему гоплита беспанцирным. Это весомый аргумент в пользу того, что со времени Пелопонесской войны вооружение гоплитов стало облегчаться—таково традиционное мнение исследователей, а не мое личное, как, видимо, кажется критику (с. 45–49)⁵. Если автор не согласен с общепринятым мнением, то надо было бы привести серьезные аргументы против него, тогда как он ограничивается фразой, касающейся вышеупомянутого пассажа Ксенофонта: «На наш взгляд, здесь вполне уместно вспомнить персонаж, “одетый” в галстук (у Стругацких)» (с. 46). Замечательный довод! Критик, видимо, имеет в виду, что Ксенофонт таким образом указывает лишь на наиболее яркий элемент одежды. Но это для внешнего наблюдателя, смотрящего на греков со стороны, когда панцирь мог быть закрыт щитом. А Ксенофонт сам участвовал в смотре и не был сторонним наблюдателем! И конечно же, надо отметить, что критик сражается тут с ветряными мельницами—я не привожу данный пассаж в качестве аргумента в пользу того, что лаконцы сражались без доспехов, а упомянул эти сведения лишь для того, чтобы показать, что лаконской моде следовали и другие греки (моя статья, с. 44).

Критик считает важным аргументом в пользу того, что лакедемоняне сражались в панцирях, рассказ Фукидида (IV.34.3) о битве на Сфактерии (425 г. до н. э.), где спартанские «войлочные панцири не защищали от стрел, а дротики обламывались, застревая в них». Так звучит пассаж в переводе Г. А. Стратановского, который и использует критик (с. 45–46). В данном случае слово *πίλοι* переводится «войлочные панцири». Д. П. Алексинский считает, что этот перевод правильный, поскольку в словарях дается именно он. Однако такая интерпретация словарей как раз и строится именно на данном пассаже Фукидида,

⁵ SNODGRASS A. *Arms and Armour of the Greeks*. London, 1967. P. 110; ANDERSON J.K. *Military Theory and Practice in the Age of Xenophon*. Berkeley; Los Angeles, 1970. P. 26, 126–128, 141; LAZENBY J.F. *The Spartan Army*. Warminster, 1985. P. 32; SEKUNDA N. *The Ancient Greeks*. (Elite Series 7). London, 1986. P. 13–14, 22; HANSON V.D. *The Western Way of War*. London; etc., 1989. P. 144–145; IDEM. *Hoplite Technology in Phalanx Battle // Hoplitae: The Classical Greek Battle Experience*. Ed. V. D. Hanson. London; New York, 1991. P. 64.

как его поняли филологи-классики, плохо разбиравшиеся в античных военных реалиях⁶. Поводом для этого могла послужить античная схолия (Schol. *ad h. l.*): «Пилосы являются плотной одеждой из шерсти, словно некие панцири около груди, что мы одеваем. Другие же говорят: прилегающее к оголовьям». Как видим, сам схолиаст сомневался, о чем идет речь: о панцире или о шлеме. А поскольку войлочное защитное снаряжение было известно в эллинистическую эпоху, то комментатор мог понять данный пассаж как упоминание доспехов из этого материала, однако у нас нет никаких параллельных данных об их существовании в классической Греции. Чтобы в этом убедиться, можно, к примеру, взглянуть на каталог слов, обозначающих оружие, в «Ономастиконе» Поллукса, построенного, в основном, на материале классической эпохи (Pol. *On.* I.132–138; X.142–146). Поэтому более распространенное значение *πίλοι*—«головные уборы» в данном пассаже предпочтительнее (Dio. *Chrys.* XXXV.433; Arr. *Tact.* 3.5; App. *Syr.* 41; Polyæn. IV.14)⁷. Акцент же Фукидида на *пилосах* сделан потому, что остальное тело спартанцев было защищено щитом. Именно данный спартанский шлем-пилос был наиболее знаменит у греков, ведь Поллукс (I.149) описывает наиболее прославленные предметы вооружения следующим образом: «Славен же панцирь, изготовленный в Аттике, шлем, изготовленный в Беотии, пилос и кинжал—лаконики, щит—аргосский, лук—критский, праща—акарнанцев, дротик—этолийский, меч—кельтский, секира—фракийская».

Не спасает мнение критика и утверждение о том (с. 47), что чуть ранее спартанцы именуется имеющими тяжелое вооружение (Thuc. IV.33.2). Да, тяжелое. Но по сравнению с кем? С легковооруженными метателями, у которых не было тяжелого гоплитского щита! Очевидно, нет весомых оснований лишней раз видеть в данном пассаже Фукидида подтверждение ношения спартанскими гоплитами доспеха, а тем более из войлока. Хотя, с другой стороны, ничего странного в наличие панциря у гоплита не было.

Критик обращает внимание на случай, произошедший со знатным спартанским юношей Исадом, который выбежал голым прямо из гимназия и вступил в бой против воинов Эпаминонда, которые в 362 г. до н. э. прорвались в Спарту (с. 47–48). На основании перевода фрагмента плутарховой биографии Агесилая К. Л. Лампсаковым критик полагает, что в тексте подлинника дважды упомянут доспех, который должен был носить воин-спартиат: в первый раз в описании вида, в котором

⁶ См., например, наиболее авторитетный словарь: LSJ. P. 1404, s.v. *πίλοι*.

⁷ Как раз данное значение принимают военные историки, например, см.: ANDERSON J.K. *Military Theory...* P. 27–29; CARTLEDGE P. *Hoplites and Heroes: Sparta's Contribution to the Technique of Ancient Warfare* // JHS. 1977. Vol. 97. P. 14, n. 27; LAZENBY J.F. *The Spartan Army*. P. 32, 120, 196, n. 21.

юноша выскочил из дома, а второй—в обосновании наложения большого штрафа на него эфорами (Plut. *Ages.* 34.7–8). Однако в данном случае научная пунктуальность подвела критика: он не удосужился проверить текст оригинала: в первом случае вообще упоминается «защитное вооружение» (*ἄπλων τῶν σκεπόντων*), а во втором просто упомянуто «оружие» (*ἄπλων*). Действительно, Исад бросился в бой с мечом и копьем, без всякого защитного вооружения. Что имеется в виду? В первую очередь щит, за потерю которого спартанца подвергался позору⁸. О наличии остальных элементов защитного вооружения, за исключением шлема, можно только гадать.

Поражает пренебрежительное отношение к единичным указаниям источников на то, что воины сражались без одежды. «Невнятная ссылка на Тиртея (*fr.* 6.24 Diehl) едва ли может быть отнесена к серьезным аргументам *pro*»—заключает критик (с. 47). На каком основании критик так решил? Очевидно, так ему удобнее. Тиртей—автор, живший во время Второй мессенской войны,—призывал спартанцев своими боевыми стихами храбро сражаться. В данном пассаже поэт упоминает пожилого воина-спартанца, который падает на землю с «голым телом и членом детородным» (пер. Г. Церетели). От той эпохи современных источников, кроме других поэтов, нет и относиться легкомысленно к их анализу не стоит. Тем более, что это свидетельство совпадает с другим, на сей раз современным ему изобразительным,—со знаменитой коринфской вазой из собрания Киджи, на которой гоплиты в паноплии идут в бой и одетыми в набедренную повязку, и без нее (середина VII в. до н. э.)⁹. Почему они так изображены, хотелось бы услышать. Тем более, что сам Д. П. Алексинский по образованию искусствовед и, видимо, знает, как проводить анализ изображения.

Далее критик решает показать несостоятельность моих суждений уже на своем поле деятельности, на базе искусствоведческого анализа. Он призывает не доверять иконографическим данным, даже, если само изображение реалистично (с. 48–49). В частности, он критикует меня за то, что я придерживаюсь мнения о том, что на одной аттической вазе изображен спартанец, поражающий перса (ок. 460 г. до н. э.), а на апулийском кратере представлен опять же лаконец, сражающийся с конным метателем дротиков (ок. 420 г. до н. э.). Критик рассуждает: «Само присутствие *спартанского* гоплита в качестве «своего», побеждающего... одинаково требует специального комментария и для аттического, и для греко-италийского памятников» (с. 49). Вот тут-то критику и показать бы свою подкованность в искусствоведческом анализе, доказывая свое мнение! Однако ничего подобного он не делает.

⁸ Подробнее см.: Нефёдкин А.К. Нагота греческого воина... С. 161–163.

⁹ PAYNE H.G.G. Protokorinthische Vasenmalerei. (Bilder griechischer Vases. Hf. VII). Berlin, 1933. Taf. 29.

Ведь легче выразить скепсис, чем доказать свое мнения. У меня же нет сомнений, что оба гоплита являются лакедемонянами, поскольку они носят длинные волосы и бороды, что в представлении греков классической эпохи являлось особенностью облика именно спартанского, а не какого-то другого мужчины (Xen. *Lac. pol.* 11.3; Plut. *Lys.* 22.1; *Lys.* 1.2; *Phoc.* 10.1; *Apophth. lacon.* 53.29=*Moral.* 228f; 56.2=230b; 68.6=232d; 69.4=232e; *Apophth. reg. et imp.* 52.1=*Moral.* 189d). Тем более, что спартанцы во время войн с персами активно воевали с азиатами, будучи союзниками афинян. Присутствие же лаконца на апулийской вазе, где он показан в столкновении с италийцем, вполне могло быть отражением исторического события—экспедиции спартанцев в Италию, бывшей как раз около времени создания кратера¹⁰.

Критик выступает и против положения о том, что греки обычно на войне не носили обувь (с. 44). Обычно, но не всегда: положение менялось с течением времени. Уже в IV в. до н. э. обувь стала обычным элементом снаряжения бойца, а в период эллинизма—практически неизменным. Вспомним хотя бы знаменитые ификратиды—обувь для солдат, сделанную афинским стратегом Ификратом более легкой и удобнее развязываемой (Diod. XV.44.4). Поскольку сведения иконографии Д.П. Алексинским объявляются спорными, то для доказательства своего тезиса он приводит эпизод о ночной вылазкой осажденных платейцев в 427 г. до н. э., во время которой последние шли с обувкой только на левой ноге, чтобы вернее ступать по грязи или глине (Thuc. III.22.2). Однако по фрагменту неясно, одели или сняли платейцы одну сандалию. Схолия к пассажу не дает дополнительной информации (Schol. *ad h. l.*). Естественно, не стоит усматривать в данном эпизоде какое-то сакральное действие, как это делает вслед за своими предшественниками Д. П. Алексинский¹¹: речь шла о конкретном прорыве бурной безлунной ночью платейцев через пелопоннесско-беотийские укрепления. Фукидид, похоже, хочет сказать, что обувь была специально надета, чтобы не скользить по грунту. Для этой же цели сандалию на одной левой ноге носили этолийские бойцы¹². Тут же стоит оговориться, что, если судить по изображениям, именно беотийские воины в последней четверти V – первых десятилетиях IV в. до н. э. носили обувь. Как справедливо подметил Н. Секунда, на беотийских надгробных рельефах и расписных сосудах гоплиты показаны полуобнаженными, одетыми только в плащ и шлем, но при этом имеющими обувь¹³. Подоб-

¹⁰ SEKUNDA N.V. *The Ancient Greeks.* P. 25.

¹¹ Видаль-Накэ П. Черный охотник. М., 2001. С. 96–97.

¹² HEAD D. *Armies of the Macedonian and Punic Wars 359 B.C. to 146 B.C.* Goring-by-Sea, 1982. P. 98.

¹³ SEKUNDA N.V. *The Ancient Greeks.* P. 27–28; НЕФЕДКИН А.К. Нагота греческого воина... С. 167.

ный парадокс (можно сказать: «без штанов, но в шляпе»), очевидно требует специального искусствоведческого анализа, который мог бы провести критик.

Нам трудно представить, как это древние греки ходили босиком, но народы с традиционной культурой, например, папуасы, делают это до сих пор. И ничего странного в этом нет—главное привычка. По моему глубокому убеждению, спартанцы в архаическую и классическую эпоху обычно сражались босиком, ведь они еще будучи мальчиками ходили в одном плаще. Да, у нас есть данные о спартанских сандалиях, которые (в чем я согласен с критиком) были праздничными (амиклиды) и бытовыми, но о том, что они использовались на войне данных нет. По крайней мере, данные иконографии говорят об этом. Критику показались противоречивыми мои выводы о спартанской обуви: «если принципиально утверждается тезис о простоте лаконских сандалий, с какой целью приведены свидетельства, говорящие об обратном?» (с. 51). Весьма странное заявление. Историк должен приводить весь корпус данных, несмотря на то, подтверждают или противоречат они его выводам. Естественно, последние требуют объяснения, почему так происходит.

Завершается критический обзор рассуждением: «Уже сама практика использования определенной системы опознавательных знаков диктуется необходимостью идентификации, т. е. снимает вопрос о настолько радикально отличающемся внешнем облике спартанских воинов... В противном случае трудно объясним, например, эпизод с сикионскими щитами...» (с. 52). Речь идет о сражении под Сикионом, в ходе которого немногочисленные спартанские всадники, спешившись, взяли щиты сикионских гоплитов, на которых была изображена сигма, и бросились в битву против аргивян, принявших их за сикионцев (*Xen. Hell.* IV.4.10). Критик явно смутно представляет себе обстоятельства битвы, когда в пыли и угаре, да еще издали, врагов трудно было опознать. Ведь в строю фаланги все тело закрывал метровый щит, а шлем, возвышавшийся над щитом, не был снабжен какими-то опознавательными лаконскими знаками. Эмблемы рисовались именно на щитах потому, что, с одной стороны, тут было достаточно места для этого, а, с другой, —именно щит выставлялся гоплитами вперед и был хорошо виден противнику. Это—самый яркий из знаков, отличавших спартанцев от гоплитов иных полисов. Другие особенности—нагота, пурпурный плащ, пилос, венки и даже длинные волосы и борода—могли быть и у других греков, которые подражали в этом спартанцам. Причем эти отличия, как и короткие мечи, были не очень заметны, особенно вне рукопашного боя. Поэтому, естественно, “Λ” на щитах была нужна для ясного опознания лакедемонян. Причем этот знак применялся не всегда, а появился в ходе исторического развития спартанской паноплии, которое, очевидно, критик себе весьма смутно представляет.

Продолжая дискуссию о спартанской нагоде

В целом можно сказать, что большая часть аргументов в статье Д. П. Алексинского представляется мне или спорной, или вообще неубедительной. Я остаюсь, в основном, при своем мнении.

**CONTINUING THE DISCUSSION ON SPARTAN NAKEDNESS,
LACONIAN *PILOS* AND OTHER...**

A. K. Nefedkin

This paper is the answer to D. P. Alexinskij's critical article *The 'Heroic Nudity' once more* in *Issedon*, 2003, vol. II.